

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2024 Том 29, №2

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2024

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2024 Vol. 29, №2

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2024

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2024 Том 29, №2

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Руденко К. А.</i> Поливная керамика Остолоповского селища XI–XII вв. в Татарстане	7
<i>Bondarenko S. Y., Grushin S. P., Frolov Ya. V., Merts I. V.</i> Photogrammetry in archaeology: modern technologies of documentation and reconstruction.....	31
<i>Серегин Н. Н., Горбунов В. В.</i> Новые материалы раннетюркского времени из Северного Алтая	47

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Бурнаков В. А.</i> Рыба в традиционном мировоззрении хакасов: образ и символ	63
<i>Рыблова М. А.</i> Убогие, халаумные и обмершие в донской казачьей общине: статусы и функции.....	78
<i>Петров Д. М., Прокопьева А. Н.</i> Захоронение «божества»: почитание особых покойников у якутов (на материалах памятника XVIII в. Буут Айыыта).....	91

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Норкина Е. С., Колесов В. И.</i> Проблемы религиозной жизни горских евреев Северного Кавказа во второй половине XIX в.	111
<i>Шершнева Е. А.</i> Государственный контроль за благонадежностью мусульманского населения Сибири во второй половине XIX — начале XX в.	125
<i>Дашковский П. К., Траудт Е. А.</i> Государственное регулирование религиозных процессов в национальных автономиях СССР в период «перестройки» (на примере Бурятской АССР)	140
<i>Сметанин Ф. А.</i> Мусульманская умма соборной мечети Иркутска 1990-х гг. в контексте десекуляризации.....	161
<i>Элбакян Е. С., Кравчук В. В.</i> Отношение студенческой молодежи к экстремизму и его профилактике в системе высшего образования РФ	174
ДЛЯ АВТОРОВ	194

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2024 Vol. 29, №2

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Rudenko K. I.</i> Glazed ceramics of Ostolopovo settlement (Tatarstan, XI–XII centuries).....	7
<i>Bondarenko S. Y., Grushin S. P., Frolov Ya. V., Merts I. V.</i> Photogrammetry in archaeology: modern technologies of documentation and reconstruction.....	31
<i>Seregin N. N., Gorbunov V. V.</i> New materials of the early Turkic period from Northern Altai	47

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Burnakov V. A.</i> Fish in the traditional worldview of the khakas: the image and symbol.....	63
<i>Ryblova M. A.</i> The poor, the wrongheaded, and the faint in the Don Cossacks community: statuses and functions	78
<i>Petrov D. M., Prokopenva A. N.</i> Honoring the departed: the reverence for exceptional deceased among the Yakuts (insights from the 18th-century burial site of Buut Aiiyyta)	91

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS FOR AUTHORS

<i>Norkina E. S., Kolesov V. I.</i> Religious life of mountain Jews in the North Caucasus in the second half of the XIX c.	111
<i>Shershneva E. A.</i> State control over muslim beneficency in Siberia in the second half of the XIX — early XX centuries.....	125
<i>Dashkovskiy P. K., Traudt E. A.</i> State regulation of religious processes in the USSR national autonomies during “perestroika” (lessons from the Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic).....	140
<i>Smetanin F. A.</i> Muslim ummah of the cathedral mosque of Irkutsk in the 1990s. in the context of desecularization	161
<i>Elbakyan E. S., Kravchuk V. V.</i> Attitude of students to extremism and its prevention in higher education.....	174
FOR AUTHORS	194

УДК 297

DOI 10.14258/nreur(2024)2–08

Е. А. Шершнева*Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)*

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА БЛАГОНАДЕЖНОСТЬЮ МУСУЛЬМАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Основываясь на анализе архивных источников, автор рассматривает благонадежность мусульманского населения Сибири. Увеличение численности мусульманского населения в регионе во второй половине XIX в., а также наметившиеся преобразования в стране привели к росту национального самосознания в мусульманской среде. Правительство, обеспокоенное политической нестабильностью в государстве, предпринимало меры, направленные на ограничения влияния на мусульман со стороны единоверцев из-за рубежа. Кроме того, в Сибири был введен контроль за печатной продукцией, а также личной корреспонденцией мусульман. Появление в Сибири представителей вайсовского движения потребовало от губернских органов обратить более пристальное внимание на представителей исламской культуры, так как данные идеи распространялись среди наиболее нестабильной в политическом плане части мусульманского населения.

Ключевые слова: мусульмане, государственно-конфессиональная политика, хадж, Сибирь, умма, Российская империя, ислам

Цитирование статьи:

Шершнева Е. А. Государственный контроль за благонадежностью мусульманского населения Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 2. С. 125–139. DOI: 10.14258/nreur(2024)2–08.

Е. А. Shershneva*Altai State University, Barnaul (Russia)*

STATE CONTROL OVER MUSLIM BENEFICIENCY IN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX — EARLY XX CENTURIES

Drawing from archival sources, this article investigates the reliability of the Muslim population in Siberia during the latter half of the 19th century. The surge in the Muslim

community's numbers in the region, coupled with societal shifts, fostered a heightened sense of national identity among Siberian Muslims. Fearing potential threats to political stability, the government implemented measures to curb external influences on the Muslim populace. This included monitoring and regulating printed materials and personal correspondence among Muslims in Siberia.

The emergence of the Weiss movement in Siberia prompted provincial authorities to closely monitor individuals linked to Islamic culture, particularly as these ideas gained traction among the more politically volatile segment of the Muslim population.

Keywords: Muslims, state-confessional policy, Hajj, Siberia, Ummah, Russian Empire, Islam

For citation:

Shershneva E. A. State control over muslim beneficency in Siberia in the second half of the XIX — early XX centuries. *Nations and religions of Eurasia*. 2024. Vol. 29, No. 2. P. 125–139 (in Russian). DOI: 10.14258/nreur(2024)2–08.

Шершнева Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** D2703@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6766-6438>.

Shershneva Elena Aleksandrovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Religious Relations, Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** D2703@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6766-6438>.

Введение

Российское государство исторически формировалось как полиэтничное и поликонфессиональное политическое образование. В его состав входили различные этнические группы, исповедующие разные религиозные системы. Исламская традиция занимала одну из ведущих позиций по количеству последователей среди неправославного населения Российской империи. С расширением границ Российского государства в его состав постепенно входили народы, исповедующие ислам. Задачей правительства являлось установление контроля за подданными-мусульманами, формируя у них представление об определенной религиозной свободе. По Указу Екатерины II создается Оренбургское магометанское духовное собрание, которое по сути являлось государственным органом, объединяющим под своим началом всех мусульман страны [Ислам в Российской империи, 2001: 45–46]. Задачей данного органа являлась организация религиозной жизни мусульманских общин, проживающий в Российской империи. Несмотря на лояльное отношение к мусульманскому населению, имперское правительство видело в них чужеродный элемент для русской государственности, что приводило к пристальному контролю за представителями данной конфессии. Целью данной статьи яв-

ляется выявление вовлеченности мусульманского населения Сибири в антиправительственные настроения. Для решения поставленной цели нами будут решены следующие задачи. Во-первых, планируется рассмотреть влияния на мусульман Сибири со стороны иностранных государств, а также единоверцев из-за рубежа. Во-вторых, оценить вовлеченность мусульманского населения в социально-экономическое пространство Сибири в условиях модернизационных процессов российского общества, а также показать, какое влияние они оказывали на развитие национального самосознания и появление революционных идей. Хронологические рамки исследования охватывают период второй половины XIX — начала XX в., что обусловлено начавшимися преобразованиями во всех сферах российского общества, которые не могли не затронуть мусульманское население, проживающее на территории Сибири. Проблеме зарождения национального сознания в среде мусульманского населения Российской империи посвящены работы Л. Р. Гатауллиной, Н. В. Крайсман, О. Н. Сенюткиной, Ю. Н. Гусевой [Гатаулина, 2008; Крайсман, 2011; Сенюткина, Гусева, 2019]. При этом особое внимание авторы уделяют положению мусульманских общин на территории Сибири в условиях реформ, проводимых во второй половине XIX — начале XX в. [Дамешек, Дамешек, 2018; Ярков, Старостин, 2017; 2021]. Несмотря на обширную историографию проблемы социально-правового положения мусульманских общин в Российской империи, тем не менее, учеными не было уделено достаточного внимания проблеме благонадежности населения Сибири, исповедующего ислам. Авторы не рассматривали вовлеченность сибирских мусульман в процесс паломничества, который считался российскими чиновниками одним из основных источников зарождения и распространения антиправительственных идей в мусульманской среде. Не было также сделано попыток оценить, как отношение к мусульманскому населению в Российской империи влияет на его социально-экономическое положение в сибирском регионе. Основываясь на принципах объективности и историзма, а также применяя проблемно-хронологический и ретроспективный методы, можно рассмотреть, насколько мусульманское население Сибири было вовлечено в социально-экономические и политические процессы, происходящие в стране во второй половине XIX — начале XX в.

Мусульмане Сибири в социально-правовом пространстве Российской империи во второй половине XIX в.

Со второй половины XIX в. имперские власти переходят на новый этап взаимоотношений с представителями различных этнических групп, проживающих в государстве. Российское правительство видело своей задачей проведение политики культурной и языковой унификации среди инородческого населения. Кроме того, в мусульманской среде в данный период намечается тенденция развития национального самосознания, что потребовало от правительства особенно пристального внимания. Наряду с назревающим в стране национальным движением мусульман российское правительство во второй половине XIX — начале XX в. столкнулось с попытками оказания влияния на последователей ислама в империи со стороны иностранных агентов. Не только Турция, но и Германия, а также Япония пропагандировали идеи готовности оказывать содействие представителям исламской культуры, терпящим ущемление своих религиозных прав со стороны Российской империи [Круз, 2020: 9].

Сибирь занимала особое положение в составе Российской империи. Основную часть населения региона составляли так называемые инородцы. На определенном этапе к ним присоединились ссыльные и буржуазия, позиция которой на протяжении XIX в. становится наиболее значимой в российском государстве [Климачков, Гамалей, 2019: 11]. Основное население Сибири проживало в сельской местности. Так, городское население в Восточной Сибири составляло не более 6% [Кискидосова, 2016: 51]. Аналогичная ситуация складывалась и в Западной Сибири. Так, согласно Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., городское население в Томской и Тобольской губерниях составляло около 7% [Первая Всеобщая перепись ... 1897 г., 1905. Т. LXXVIII Тобольская губерния: 13; Т. XXVI: Томская губерния: 5]. Мусульманское население в Сибири также формировалось преимущественно за счет сельских общин. Согласно данным Первой Всероссийской переписи населения в Енисейской губернии проживало 5027 мусульман. При этом в городах значилось 1370 человек, что составляло 27,3% от всего населения губернии, исповедующего ислам. При этом 3657 человек (72,7%) проживало в сельской местности [Первая Всеобщая перепись.. 1897 г., 1904. Т. LXXXIII Енисейская губерния: 50–51]. В Томской и Тобольской губерниях проживало 105081 человек мусульманского населения. При этом в городах значилось 4102 человека — 3,9% от всего мусульманского населения губерний, а 100979 человек (96,1%) проживали в сельской местности [Первая Всеобщая перепись... 1897 г., 1905. Т. LXXVIII Тобольская губерния: 74–75; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1904. Т. XXVI Томская губерния: 68–69]. Такая тенденция была связана с тем, что сами города во второй половине XIX в. не имели широкого распространения. Основными занятиями городских жителей были торговля и перевозка товара [Кискидосова, 2016: 51]. Данный вид деятельности способствовал выстраиванию тесных контактов представителей мусульманской традиции, проживающих в городах, со своими единоверцами как внутри страны, так и за её пределами.

Во второй половине XIX в. с началом аграрных реформ в стране численность мусульманского населения в Сибири значительно увеличилась, что было обусловлено миграционной политикой. Основной приток татарского населения в Сибирь осуществлялся с территории Поволжья и Приуралья. В Западной Сибири к концу XIX в. численность татар-переселенцев составила 17% от всех татар региона [Павлинова, Старостин, Ярков, 2018: 139]. На территории Енисейской губернии к 1897 г. мусульмане-переселенцы составляли 60,75% от коренного населения губернии, исповедующего ислам [Ярков, Старостин, 2021: 47]. Отправляясь в Сибирь, мусульмане видели в данном регионе удовлетворение своих не только экономических, но и духовных потребностей [Ярков, Старостин, 2017: 200]. В рассматриваемый период усилился приток татарских купцов и предпринимателей на территорию Западной Сибири. Появление данной категории переселенцев оказывало определенное влияние на развитие мусульманских общин в регионе. Благодаря предпринимателям, исповедующим ислам, укреплялось финансовое положение общин единоверцев, а также происходило их сплочение, особенно в городской среде [Бобкова, 2009: 58, 61; Павлинова, Старостин, Ярков, 2018: 139, 153].

Переселенческие процессы потребовали от имперского правительства решения важного земельного вопроса [Дамешек, Дамешек, 2018: 327–328]. Следует отметить,

что приток русского населения и увеличение его численности приводил к конфликтам с инородцами [Татарникова, Чуркин, 2020: 4–5]. На государственно-политическом уровне взаимоотношение русского и татарского населения преимущественно носило характер этноконфессионального противостояния, при котором вопросы регулирования экономического и культурного положения татарских общин выполняли сопроводительный характер. В мусульманской среде русское население очень часто рассматривалось как колонизаторы, которые стремятся к искоренению исламской культуры [Столярова, 2017: 171–172].

Следует отметить, что православное население, поддерживаемое со стороны государства, стремясь к укреплению своих позиций в Сибири, относилось с недоверием к представителям исламской традиции. Так, например, 12 ноября 1889 г. мещане города Красноярска Енисейской губернии на заседании Мещанской управы пришли к решению отказывать причислять к сословию мещан лиц татарской национальности. Данное решение было обосновано тем фактом, что татары не стремились к честному труду и искали легкой жизни [ГАКК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 41. Л. 2]. Таким образом, становится вполне понятным, почему число лиц, причисленных к мещанскому сословию в Енисейской губернии, составляло всего около 2–3% [Федорова, 2020: 480].

Правительство стремилось к контролю за должностными лицами с целью обеспечения стабильности в Сибирском регионе. В этой связи мусульмане были в определенной степени ограничены в занятии ряда должностей, поскольку это могло, по мнению имперских органов власти, оказать вредное влияние на население Сибирских губерний. Так, Департамент духовных дел иностранных исповеданий в 1906 г. обратил внимание земских отделов на секретные циркуляры, направленные Министерством внутренних дел еще в 1884 г. Данные циркуляры были адресованы губернаторам восточных окраин Российской империи, чтобы на должностные лица волостных и сельских управлений назначались представители не из числа мусульман. Данная мера рассматривалась как необходимость для предотвращения перехода крещенных мусульман обратно в ислам, и возможности недопущения фанатиков-мусульман на эти должности [РГИА. Ф. 1291. Оп. 54. Д. 10. Л. 1–1 об]. Такая административная установка также была связана с нарастающей социальной активностью мусульманского населения.

Особую категорию мусульманского населения Сибири занимали ссыльные, которых правительство отправляло для перевоспитания и причисляло в некоторых случаях к селениям единоверцев. К 1858 г. число ссыльных мусульман в Тобольской губернии составляло 10% всего населения, в Томской губернии — 15%, а в Енисейской губернии этот процент был ещё выше [Ярков, Старостин, 2021: 46]. В основной своей массе, несмотря на то, что все ссыльные должны были распределяться по нескольким разрядам, все они причислялись в сельской местности к деревням старожилов. Данное явление было вызвано неготовностью со стороны сибирской администрации принимать ссыльных по указанным разрядам, а также отсутствием в регионе в достаточном количестве заводов и ремесленных мастерских [Салькова, 2012: 269].

Основная масса населения, попадающего на территорию Сибири, не была также разделена и по конфессиональному признаку и проживала вместе с православными. Русская православная церковь осуждала такое тесное проживание представите-

лей разных религиозных традиций [Ярков, Старостин, 2021: 50]. Причисление к сельским обществам не освобождало ссыльных-мусульман от контроля со стороны государства. В 1892 г. согласно предписанию земского заседателя необходимо было представить сведения о проживающих в селениях Сухобузимской волости татарах и их образе жизни. В результате проведенных проверок было установлено, что ничего предосудительного за ними не числится [ГАКК. Ф. 546. Оп. 1. Д. 902]. Данные меры предпринимались не случайно, так как с развитием экономики и промышленности во многих регионах страны начинает возрастать социально-политическая активность мусульманского населения [Сенюткина, Гусева, 2019: 23]. Наиболее пристального внимания со стороны надзорных органов на территории Сибири требовали ссыльные за политические и антигосударственные преступления, совершенные по религиозным мотивам. Так, во второй половине XIX — начале XX в. на территории Томской и Тобольской губерний появляются представители Ваисовского движения [Павлинова, Старостин, Ярков, 2018: 136–137].

Механизмы контроля со стороны государства за политической благонадежностью мусульман Сибири

Особого внимания со стороны имперской власти требовал контроль за печатной продукцией мусульман, а также личной корреспонденцией. Цензура корреспонденции выявляла факты неблагонадежности мусульманского населения, что заставляло устанавливать за ними контроль [Сенюткина, Гусева, 2019: 23]. В конце XIX в. — начале XX в. в мусульманской среде появлялись различного рода письма и послания своим единоверцам, которые требовали внимания со стороны надзорных органов. Так, Красноярскому полицмейстеру было направлено изъятое Туркестанским генерал-губернатором в 1899 г. письмо, написанное жителем Красноярска [ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 2744. Л. 1–4об]. Не для всех изъятых писем представлялось возможным установить авторство [Сенюткина, Гусева, 2019: 23].

В 1892 г. в рамках проведенной по инициативе Министерства народного просвещения проверки в школах Томской губернии обнаружены рукописные тетради и книги на татарском языке, в которых прославлялся турецкий султан, говорилось о могуществе народов Востока. Указанные издания также содержали пропаганду антиправительственных идей [ГАКК. Ф. 181. Оп. 1. Д. 41. Л. 69].

Осуществлять контроль за благонадежностью мусульманского населения помогало Оренбургское магометанское духовное собрание. Основу этнической политики Российского государства составляла идея сотрудничества с этническими элитами, включенными в состав Российской империи [Трепалов, 2017: 222]. При этом мусульманское духовенство, которому было даровано имперской властью привилегированное положение, имело влияние на верующих и рассматривалось как средство воздействия на подданных страны [Крайсман, 2011: 128–129].

В обязанности муфтия входил в определенном смысле контроль за благонадежностью последователей ислама и распространение среди мусульманского населения империи верноподданнических идей русскому престолу [НА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 13629]. Во второй половине XIX в. Синодом была даже составлена типовая молитва для всех инославных конфессий и отправлена в Департамент духовных дел иностранных испо-

веданий для распространения по иноверческим приходам [Трепалов, 2017: 226, 228]. Однако во второй половине XIX в. в Сибирских губерниях были зафиксированы случаи неисполнения данного требования [НА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 10821; НА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 3477].

Влияние единоверцев из-за рубежа на мусульман Сибири в начале XX в.

В Российской империи очень остро стояла проблема контактов мусульман со своими единоверцами из-за рубежа. Одним из источников данного рода контактов являлся хадж, совершение которого органы власти старались максимально регламентировать, принимая ряд нормативных актов полицейско-административного и медико-санитарного характера [Байдакова, 2006: 261]. Паломничество мусульман в рамках Российской империи не было никак организовано, а также никем не возглавлялось. Кроме того, долгое время сам маршрут хаджа был также не регламентирован и постоянно менялся [Кейн, 2021]. Таким образом, такое устройство хаджа не способствовало контролю за распространением антиправительственных идей в мусульманской среде. Лишь в 1891 г. было открыто российское консульство в Аравии (Мекке) [Байдакова, 2006: 262]. К началу XX в. роль МИДа заметно возросла в области контроля проникновения «исламистских» идей на территорию Российской империи. Данное ведомство активно стало принимать участие в решении вопросов паломничества, эмиграции, организации жизни русских подданных в мусульманских государствах [Арапов, 2004: 210–212].

Несмотря на выстраиваемую систему контроля за мусульманами, совершающими хадж, имперские органы власти по-прежнему мало внимания уделяли организации паломнических поездок [Сибгатуллина, 2010: 29–33; Кейн, 2021]. В результате во время хаджа мусульмане стремились искать поддержки у своих единоверцев за рубежом, а также у их правительства для решения назревающих вопросов.

Османская империя оказывала всяческую поддержку мусульманскому населению России, формируя у него представление о Турции как о последнем оплоте ислама [Четжемов, 2018: 109–110]. Полицейскими органами активно выявлялись незаконные действия, в том числе и в среде благотворительных организаций, оказывающих поддержку русским паломникам [Сенюткина, Гусева, 2019: 24].

Стамбул являлся транзитным пунктом на пути русских паломников в Мекку. Большинство русских мусульман стремились там задержаться, для того чтобы пообщаться с местными улемами и шейхами, а также приобрести конфессиональную литературу. К тому же во время совершения хаджа малоимущие мусульмане могли рассчитывать на поддержку османского султана [История татар с древнейших времен, 2013. Т. VI: 345]. Такая позиция Османской империи в отношении мусульман России приводила к попыткам миграции российских подданных мусульман, которые стремились найти религиозную свободу. В 1899 г. состоялось совещание Департамента полиции по вопросу о дозволении русским мусульманам переселяться в Турцию [РГИА. Ф. 1291. Оп. 3. Д. 1569]. Переселение в Турцию также требовало получения от российского правительства разрешения и паспорта. Сложности с переселением российских мусульман на территорию Турции подталкивали их к совершению этого переселения под видом хаджа. При этом турецкие власти всячески потворствовали данному факту, тогда как российские власти и чиновники официального разрешения на переселение не да-

вали [Байдакова, 2006: 264]. Следует отметить, что эмиграция мусульманского населения Сибири была достаточно редким явлением. Первая массовая миграция пришлась на 1908 г., когда А. Г. Ибрагимов способствовал переезду своих единоверцев в Турцию [Ярков, Старостин, 2021: 58–59].

К началу XX в. религиозная политика приобретает еще большую значимость в национальной политике имперской власти. При этом «мусульманский вопрос» начинает занимать в ней особое место. Попытки либерализации российского общества привели к трансформации российской уммы. Законы, принимаемые имперской властью, способствовали возрастанию политической активности в мусульманской среде. На фоне возросшей активности мусульман главной задачей властей Российской империи становится недопущение в мусульманскую среду идей «панисламизма» и «пантюркизма». Надзорным органам следовало усилить контроль за лицами, распространяющими идеи создания единой мусульманской нации, и организовать работу по пресечению их деятельности, в том числе и на территории Сибири [Сатушиева, 2013: 40; Ярков, Старостин, 2021: 51].

Во второй половине XIX — начале XX в. в России активно начинает развиваться мусульманская пресса, которая отражает основные проблемы верующих, исповедующих ислам [Сенюткина, Гусева, 2019: 22–23]. Периодическая печать способствовала отражению идей зарождающегося в начале XX в. политического движения среди мусульманских народов Российской империи. Так, газета «Терджиман» становится практически политическим органом накануне Первой русской революции. В газете излагались основные потребности российских мусульман, а также демонстрировалась готовность включения различных слоев мусульманского общества в политическую жизнь страны [Богданович, Шендрикова, 2001: 64–65]. Мусульманам, благодаря своей активной позиции, удалось сформировать собственную фракцию в Государственной Думе. Зарождающаяся политическая активность в мусульманской среде способствовала расширению связей между мусульманскими общинами разных регионов страны [Круз, 2020: 353–355].

Все эти причины поставили перед Министерством внутренних дел новые задачи по контролю за религиозно-общественной жизнью мусульманских общин. Министерство внутренних дел должно было контролировать благотворительные и просветительские общества, осуществлять борьбу со стремлением мусульман к национальному самосознанию и пресекать данные идеи в российском обществе. Кроме того, особое внимание уделялось системе школьного образования и контролю за печатными изданиями [Сатушиева, 2013: 42–43]. Однако несмотря на все меры, предпринимаемые в государстве, правительство не могло остановить начавшееся оживление в татарской среде. Органы власти старались отслеживать людей, замеченных в пропаганде опасных идей, а также следили за теми, кто прибыл из-за рубежа [ГААК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 83. Л. 36].

Несмотря на попытки полицейских чиновников установить контроль за деятельностью мусульманского населения, полной картины умонастроений мусульман по всем регионам страны Департамент полиции не имел. Не везде была хорошо развита агентурная сеть, а также в целом передача собираемой информации [Сенюткина, Гусева, 2019: 25]. Для установления пристального контроля за мусульманским населением

и пресечения распространения антигосударственных идей имперские органы власти часто прибегали к мерам тотального контроля за жизнью мусульманских общин. Мусульмане обязаны были согласовывать с губернскими властями даже проведение различного рода праздников, задачей которых был сбор средств на нужды мусульманских общин [ГААК. Ф. 595. Оп. 35. Д. 575. Л. 1–2об.].

Особенно пристальное внимание со стороны правительства в отношении мусульманского населения империи приходится на начало Первой мировой войны. Ещё во второй половине XIX в. часть инородческого населения была исключена из обязательного несения воинской повинности. Так, освобождались от воинской повинности инородцы Акмолинской и Семипалатинской областей, а также всех Сибирских губерний. Предоставление данных свобод объяснялось неблагонадежностью инородческого населения. Было определено также, что казахское население империи не может быть привлечено к несению воинской службы, так как, получив оружие и обучившись владению им, они могут перейти на сторону противника. С вступлением в войну Османской империи, которая позиционировала себя как защитница интересов мусульманского народа, недоверие к мусульманам только усилилось [Радиков, 2014: 107–109].

Особое внимание в годы войны начинает уделяться татарской прессе. В 1914 г. было принято «Временное положение о военной цензуре», которое регламентировало тотальный контроль за всеми печатными изданиями. В этой ситуации мусульманское духовенство, выступая на стороне государства, не оставило без внимания вопрос вступления в войну Турции [Гатаулина, 2008: 136]. В вооруженных силах были предприняты меры по контролю за благонадежностью мусульман. Для этого за каждым солдатом-мусульманином негласно был закреплен русский солдат, который следил за его благонадежностью [Исхаков, 2004].

Политическая активность мусульман накануне революционных событий была направлена на получение демократических свобод в рамках государства. Все требования мусульманской общественности были направлены на представление различного рода проектов по улучшению религиозной и социальной жизни российской уммы. Отстаивая свои права на свободу вероисповедания и организацию духовной жизни, мусульмане стремились искать поддержку не только у российского правительства. В 1916 г. Департаментом полиции был разослан секретный циркуляр начальникам губернских, областных и городских жандармских управлений и отделений по охране общественной безопасности и порядка, а также офицерам отдельного корпуса жандармов, ведающим розыском. В документе сообщалось, что подданные России мусульмане на полученной аудиенции в Вене у министра иностранных дел выразили свое недовольство русским правительством [ГААК. Ф. 830. Оп. 1 Д. 83. Л. 34]. В соответствии с данным циркуляром надзорным органам на местах следовало с большим вниманием относиться к мусульманскому населению и следить за проявлением любого недовольства в их среде.

Заключение

Таким образом, начавшиеся во второй половине XIX в. государственные реформы, а затем назревшая потребность в политических преобразованиях в стране не оставили в стороне мусульманскую умму. Реформы, затрагивающие все стороны социально-экономической и общественной жизни общества, вызвали активность в мусульманской среде.

Потребность мусульманской общественности в отстаивании своих прав привела к возрастанию недоверия к ним со стороны государства. Правительство видело своей задачей контроль за политической благонадежностью мусульманских народов. Особое внимание надзорных органов вызывал процесс паломничества мусульман и их контакты со своими единоверцами из-за рубежа. Именно через хадж, по мнению представителей имперской власти, на территорию России проникали идеи «пантюркизма» и «панисламизма».

Следует отметить, что Турция, оказывающая помощь паломникам, при этом через своих агентов стремилась к распространению антиправительственных настроений и дестабилизации политической обстановки в Российской империи. Турецкие власти демонстрировали готовность к поддержке мусульманского населения России, в т. ч. к принятию мигрантов из России. Однако следует отметить, что среди мусульманских общин Сибири данное явление не было массовым. Хотя письма и литература антиправительственного содержания, безусловно, также встречались среди мусульман Сибири. Настороженное отношение к мусульманам в Сибири особенно явно выразилось в процессе проведенных аграрных реформ, когда на ее территорию переселялись преимущественно представители славянских этносов. Мусульмане были ограничены в своих правах при получении ряда должностей и социального статуса. Кроме того, по возможности, стремились не допускать мусульман на важные административные должности, опасаясь распространения религиозного фанатизма.

Развитие революционных настроений в стране, начало Первой мировой войны вызвали новую волну усиления контроля за мусульманским населением в регионах. Наиболее пристальное внимание было уделено цензуре, которая выражалась уже не только в контроле за печатными изданиями, но и личной корреспонденцией. Накануне Октябрьской революции Департамент полиции призывал надзорные органы на местах усилить контроль за мусульманскими общинами. Следует, тем не менее, отметить, что основная масса мусульманского населения страны видела своей задачей отстаивание своих религиозных прав именно в рамках Российской империи и не стремилась к смене политического строя.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 23–18–00117 «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России».

Acknowledgments

The study was supported by the Russian Science Foundation, project No. 23–18–00117 “The impact of the Imperial policy of acculturation and the Soviet model of state-confessional relations on the situation of religious communities in the border regions and national autonomies of the Asian part of Russia.”

Библиографический список

Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX вв.). М. : МПГУ, 2004. 288 с.

Байдакова Н. Н. Хаджж и миграционные процессы среди мусульман России в XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2006. Вып. 3 (43). С. 261–265.

Бобкова Г. И. Татарские общины Иркутской губернии (конец XIX — начало XX в.). Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. 219 с.

Богданович И. А., Шендрикова С. П. Газета «Терджиман» как источник по истории возникновения общественно-политического движения мусульман Российской империи // Культура народов Причерноморья. 2001. № 21. С. 64–68.

Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 181. Оп. 1. Д. 41.

ГААК. Ф. 595. Оп. 35. Д. 575.

ГААК. Ф. 830. Оп. 1 Д. 83.

Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 162. Оп. 1. Д. 41.

ГАКК. Ф. 546. Оп. 1. Д. 902.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 2744.

Гатауллина Л. Р. Татарская пресса 1914–1915 гг. об отношении российских мусульман к Первой мировой войне // Ученые записка Казанского университета. 2008. № 1. Серия: Гуманитарные науки. С. 133–139.

Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Иркутск : Оттиск, 2018. 416 с.

Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. Д. Ю. Арапов. М. : Академкнига, 2001. 367 с.

История татар с древнейших времен. Т. VI. Формирование татарской нации XIX — начало XX в. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. Т. VI. 1236 с.

Кейн А. Российский хадж. Империя и паломничество в Мекку. М. : Новое литературное обозрение, 2021. 296 с.

Кискидосова Т. А. Губернаторские годовые отчеты, как источник по изучению городского населения Восточной Сибири в 1850–1880-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 50–53.

Климачков В. М., Гамалей С. Ю. К вопросу о формировании городского населения Сибири в XIX веке и его политико-правовой культуре // Современная научная мысль. 2019. № 1. С. 10–15.

Крайсман Н. В. Роль Оренбургского магометанского духовного собрания в становлении национальной и конфессиональной толерантности в России // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 24. С. 128–132.

Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 408 с.

Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 295. Оп. 3. Д. 3477.

НА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 10821.

НА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 13629.

Павлинова Р. Н., Старостин А. Н., Ярков А. П. Мусульманские общины Азиатской части Российской империи в середине XIX — начале XX в.: по материалам учетных ведомостей ОМДС. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2018. 490 с.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. Т. XXVI. Томская губерния. 245 с.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : изд. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. Т. LXXXIII: Енисейская губерния. 185 с.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905. Т. LXXVIII. Тобольская губерния. 247 с.

Радиков И. В. Этническое многообразие воюющих государств как фактор боевой готовности войск в Первой мировой войне // Политэкс. 2014. Т. 10, № 2. С. 102–112.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1291. Оп. 3. Д. 1569. РГИА. Ф. 1291. Оп. 54. Д. 10.

Сальникова Е. С. Положение ссыльных в местах их причисления в Восточной Сибири во второй половине XIX в. // Вестник ИрГТУ. 2012. № 2. С. 269–275.

Сатушиева Л. Х. Формирование правового режима для регулирования статуса мусульман Российской империи в начале XX века // Общество и право. 2013. № 1. С. 39–43.

Сенюткина О. Н., Гусева Ю. Н. Панисламизм и пантюркизм в осмыслении российских чиновников (начало XX века) // Новый исторический вестник. 2019. № 2. С. 21–36.

Сибгатуллина А. Т. Контакты тюрков-мусульман Российской и Османской империи на рубеже XIX–XX вв. М. : Институт востоковедения РАН, 2010. 264 с.

Столярова Г. Р. Этнокультурные взаимодействия русских и татар (XIX — начало XX веков) // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2017. С. 170–192.

Татарникова А. И., Чуркин М. К. Аграрная колонизация Западной Сибири и Степного края в общественно-политическом дискурсе второй половины XIX — начала XX вв. // Genesis: исторические исследования. 2020. № 1. С. 1–9.

Трепалов В. В. Русский царь в нехристианских культурах Российской империи // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 2. С. 222–240.

Федорова В. И. Сельское население Енисейской губернии на рубеже XIX–XX веков: социально-демографическая динамика // Научный диалог. 2020. № 11. С. 477–494.

Четжемов С. Р. Конфессиональная политика Российской империи в середине XIX в. (на примере переселения народов Кавказа, исповедующих ислам, в Турцию) // Народы и религии Евразии. 2018. № 1. С. 109–110.

Ярков А. П., Старостин А. Н. Ислам от Урала до Камчатки в панораме веков. Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2021. 300 с.

Ярков А. П., Старостин А. Н. Умма Красноярского края в прошлом и настоящем // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 197–205.

References

Arapov D. Yu. *Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya islama v Rossiiskoi imperii (poslednyaya tret' XVIII — nachalo XX vv.)*. [The system of state regulation of Islam in the Russian Empire (the last third of the XVIII — early XX century)]. Moscow: MPSU, 2004. 288 p. (in Russian).

Baidakova N. N. *Khadzhzh i migratsionnye protsessy sredi musul'man Rossii v XIX v.* [Hajj and migration processes among Muslims of Russia in the XIX century]. *Vestnik TGU*. [Bulletin of TSU]. 2006, no. 3 (43). P. 261–265 (in Russian).

Bobkova G. I. *Tatarskie obshchiny Irkutskoi gubernii (konets XIX — nachalo XX v.)*. [Tatar communities of Irkutsk province (late XIX — early XX century)]. Irkutsk: Publishing house of the Irkutsk State University, 2009. 219 p. (in Russian).

Bogdanovich I. A., Shendrikova S. P. Gazeta “Terdzhiman” kak istochnik po istorii vozniknoveniya obshchestvenno-politicheskogo dvizheniya musul'man Rossiiskoi imperii [he newspaper “Terjiman” as a source on the history of the socio-political movement of Muslims of the Russian Empire]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*. [Culture of the peoples of the Black Sea region]. 2001, no. 21). P. 64–68. (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraya (GAAK). [Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraya (GAAK)]. Fund 181. Inventory 1. File 41. (in Russian).

GAAK [GAAK]. Fund 595. Inventory 35. File 575. (in Russian).

GAAK [GAAK]. Fund 830. Inventory 1. File 83. (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya (GAKK) [The State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GAKK)]. Fund 162. Inventory 1. File 41. (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 546. Inventory 1. File 902. (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 8. File 2744. (in Russian).

Gataullina L. R. Tatarskaya pressa 1914–1915 gg. ob otnoshenii rossiiskikh musul'man k Pervoi mirovoi voine [Tatar press of 1914–1915 on the attitude of Russian Muslims to the First World War]. *Uchenye zapiska Kazanskogo universiteta*. [Scientists of the Kazan University]. 2008, no. 1. Series: Humanities. P. 133–139. (in Russian).

Dameshek L. M., Dameshek I. L. *Sibir' v sisteme imperskogo regionalizma (1822–1917 gg.)*. [Siberia in the system of imperial regionalism (1822–1917)]. Irkutsk: Publishing house Imprint, 2018. 416 p. (in Russian).

Islam v Rossiiskoi imperii (zakonodatel'nye akty, opisaniya, statistika) [Islam in the Russian Empire (legislative acts, descriptions, statistics)]. Moscow: Akademkniga, 2001. 367 p. (in Russian).

Istoriya tatar s drevneishikh vremen. [The history of the Tatars since ancient times]. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Vol. VI. The formation of the Tatar nation of the XIX — early XX century, 2013. 1236 p. (in Russian).

Kein A. *Rossiiskii khadz. Imperiya i palomnichestvo v Mekku*. [The Russian Hajj. The Empire and the pilgrimage to Mecca]. Moscow: New Literary Review, 2021. 296 p. (in Russian).

Kiskidosova T. A. Gubernatorskie godovye otchety, kak istochnik po izucheniyu gorodskogo naseleniya Vostochnoi Sibiri v 1850–1880-e gg. [Gubernatorial annual reports as a source for the study of the urban population of Eastern Siberia in the 1850–1880]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Tomsk State University]. 2016, no. 412. P. 50–53 (in Russian).

Klimachkov V. M., Gamalei S. Yu. K voprosu o formirovanii gorodskogo naseleniya Sibiri v XIX veke i ego politiko-pravovoi kul'ture [On the question of the formation of the urban population of Siberia in the XIX century and its political and legal culture]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'* [Modern scientific thought]. 2019, no. 1. P. 10–15 (in Russian).

Kraisman N. V. Rol' Orenburgskogo magometanskogo dukhovnogo sobraniya v stanovlenii natsional'noi i konfessional'noi tolerantnosti v Rossii [The role of the Orenburg Mohammedan

Spiritual Assembly in the formation of national and confessional tolerance in Russia]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the Kazan Technological University]. 2011, no. 24. P. 128–132 (in Russian).

Cruz R. *Za prorokaitsarya. Islam i imperiya v Rossii i Tsentral'noi Azii* [For the prophet and the king. Islam and the Empire in Russia and Central Asia]. Moscow: New Literary Review, 2020. 475 p. (in Russian).

Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan (NA RB). [The National Archive of the Republic of Bashkortostan (IN RB)]. Fund 295. Inventory 3. File 3477 (in Russian).

NA RB (IN RB). Fund 295. Inventory 3. File 10821 (in Russian).

NA RB (IN RB). Fund 295. Inventory 3. File 13629 (in Russian).

Pavlinova R. N., Starostin A. N., Yarkov A. P. *Musul'manskie obshchiny Aziatskoi chasti Rossiiskoi imperii v seredine XIX — nachale XX v.: po materialam uchetykh vedomostei OMDS*. [Muslim communities of the Asian part of the Russian Empire in the middle of the XIX — early XX century: based on the materials of the OMDS accounting statements]. Kazan, Kazan Publishing House. unita, 2018. 490 p. (in Russian).

Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. [The first General Population Census of the Russian Empire in 1897] / Ed. St. N. A. Troinitskii. Petersburg: publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904, vol. XXVI, Tomsk province. 245 p. (in Russian).

Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. [The first General Population Census of the Russian Empire in 1897] / Ed. St. N. A. Troinitskii. St. Petersburg: publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904, vol. LXXXIII, Yenisei province. 185 p. (in Russian).

Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. [The first General Population Census of the Russian Empire in 1897] / Ed. St. N. A. Troinitskii. St. Petersburg: publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1905, vol. LXXVIII, Tobolsk province. 247 p. (in Russian).

Radikov I. V. *Ehtnicheskoe mnogoobrazie voyuyushchikh gosudarstv kak faktor boevoi gotovnosti voisk v pervoi mirovoi voine* [Ethnic diversity of warring states as a factor of combat readiness of troops in the First World War]. *Politehks*. [Politex]. 2014, no. 2, vol. 10. P. 102–112 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA). [Russian State Historical Archive (RGIA)]. Fund 1291. Inventory 3. File 1569 (in Russian).

RGIA (RGIA). Fund 1291. Inventory 54. File 10. (in Russian).

Sal'nikova E. S. *Polozhenie ssyl'nykh v mestakh ikh prichisleniya v Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX v.* [The situation of exiles in their places of reckoning in Eastern Siberia in the second half of the XIX century]. *Vestnik IRGTU*. [Bulletin of the IrSTU]. 2012, no. 2. P. 269–275 (in Russian).

Satushieva L. Kh. *Formirovanie pravovogo rezhima dlya regulirovaniya statusa musul'man Rossiiskoi imperii v nachale XX veka* [The formation of a legal regime for regulating the status of Muslims of the Russian Empire at the beginning of the XX century]. *Obshchestvo i pravo*. [Society and Law]. 2013, no. 1. P. 39–43 (in Russian).

Senyutkina O. N., Guseva Yu. N. Panislamizm i pantyrkizm v osmyslenii rossiiskikh chinovnikov (nachalo XX veka) [Pan-Islamism and pan-Turkism in the understanding of Russian officials (the beginning of the XX century)]. *Novyi istoricheskii vestnik* [New Historical Bulletin]. 2019, no. 2. P. 21–36 (in Russian).

Sibgatullina A. T. *Kontakty tyurok-musul'man Rossiiskoi i Osmanskoi imperii na rubezhe XIX–XX vv.* [Contacts of Muslim Turks of the Russian and Ottoman Empires at the turn of the XIX–XX centuries]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2010. 264 p. (in Russian).

Stolyarova G. R. Ehtnokul'turnye vzaimodeistviya russkikh i tatar (XIX — nachalo XX vekov) [Ethnocultural interactions of Russians and Tatars (XIX — early XX centuries)]. *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete*. [Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University]. 2017. P. 170–192 (in Russian).

Tatarnikova A. I., Churkin M. K. Agrarnaya kolonizatsiya Zapadnoi Sibiri i Stepnogo kraya v obshchestvenno-politicheskom diskurse vtoroi poloviny XIX — nachala XX vv. [Agrarian colonization of Western Siberia and the Steppe region in the socio-political discourse of the second half of the XIX — early XX centuries]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: Historical research]. 2020, no. 1. P. 1–9 (in Russian).

Trepalov V. V. Russkii tsar' v nekhristianskikh kul'takh Rossiiskoi imperii [The Russian Tsar in the non-Christian cults of the Russian Empire]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. [State, religion, church in Russia and abroad]. 2017, no. 2. P. 222–240 (in Russian).

Fedorova V. I. Sel'skoe naselenie Eniseiskoi gubernii na rubezhe XIX–XX vekov: sotsial'no-demograficheskaya dinamika [Ural population of the Yenisei province at the turn of the XIX–XX centuries: socio-demographic dynamics]. In: *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue]. 2020, no. 11. P. 477–494 (in Russian).

Chetzhemov S. R. Konfessional'naya politika Rossiiskoi imperii v seredine XIX v. (na primere pereseleniya narodov Kavkaza, ispoveduyushchikh islam, v Turtsiyu) [Confessional policy of the Russian Empire in the middle of the XIX century. (on the example of the resettlement of the peoples of the Caucasus professing Islam to Turkey)]. *Narody i religii Evrazii*. [Peoples and Religions of Eurasia]. 2018, no. 1. P. 109–110 (in Russian).

Yarkov A. P., Starostin A. N. *Islam ot Urala do Kamchatki v panorame vekov*. [Islam from the Urals to Kamchatka in the panorama of centuries]. Tyumen: Publishing House of Tyumen State University, 2021. 300 p. (in Russian).

Yarkov A. P., Starostin A. N. Umma Krasnoyarskogo kraya v proshlom i nastoyashchem [The Umma of the Krasnoyarsk Territory in the past and present]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Tomsk State University]. 2017, no. 422. P. 197–205 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 17.01.2024

Принята к публикации: 10.05.2024

Дата публикации: 28.06.2024